страноведов, без вклада которых любые теории рискуют остаться лишь «беспочвенными умозрениями».

Иными словами, и в междисциплинарных исследованиях, на которые ныне обречены те, кто пытается разобраться с концептами «религии» и «секулярности», *глобализация* порождает *глокализацию*. Европоцентризм задает первоначальную оптику, от которой приходится отказываться, чтобы обнаружить культурно-религиозную специфику, распознаваемую, однако, лишь по контрасту, то есть на фоне изначальной глобально-европейской оптики (поскольку иной универсальной оптики пока нет). В этом смысле рассматриваемая коллективная монография является важным шагом вперед в научно-академическом движении к новому ретроспективному видению религии/секулярности, определяемому этим «глокальным» ракурсом.

А. Кырлежев

Pax Islamica — Мир ислама. М.: Издательский дом Марджани. 2012. № 1–2 (8-9). — 508 с.

Рост исламских исследований докатился до России, хотя настоящий «бум», возможно, еще впереди. Здесь есть благодатная почва, подпитываемая религиозным оживлением в нескольких традиционно этно-мусульманских регионах, а также, как и на Западе, следствиями недавних миграций. Это оживление последних десятилетий дает разнообразные плоды в разных общественных и культурных сферах — от политики до кухни. И вот, среди прочего, появляется новое поколение ученых и новое поколение благотворителей, а в точке их пересечения — «Фонд Марджани», некоммерческая благотворительная организация, созданная в 2006 году и названная в честь татарского богослова-просветителя Шихабутдина Марджани (1818–1889). *Pax Islamica* (Мир ислама) — только один из проектов Фонда. Он финансирует и иные издательские проекты, выставки, публичные лекции и многое другое — все, что связано с исламом и татарской культурой.

Pax Islamica — сугубо академический журнал, первый выпуск которого вышел в 2008 г. Удивительно, что это фактически первый исламоведческий журнал в России после недол-

го существовавшего «Мира ислама» (позже — «Мусульманского мира»), основанного В. Бартольдом до революции. Потребовалось двадцать лет «перестроечного» и постсоветского брожения, чтобы появился наконец качественный российский журнал, который, в ряду десятков специальных или смежных мировых журналов, отражает расцвет исламских исследований последнего времени.

Мы ожидаем добротности от издания, ведомого людьми, основавшими журнал и составляющими его редакционное ядро. Это ключевые фигуры современного российского исламоведения: Игорь Алексеев, Павел Башарин, Владимир Бобробников и другие. Главный редактор — Айдар Хабутдинов, автор книг о становлении татарской нации и о современных исламских сообществах в Волго-Уральском регионе.

Pax Islamica — это, конечно, аллюзия на *Pax Romana*, но также и на *дар ал-ислам* (обитель ислама, мір ислама) — понятие, всегда обитавшее в исламской политико-правовой традиции. Вокруг журнала собраны люди из разных дисциплин для того, чтобы охватить мір Ислама в его целостности — с его многослойной памятью, невероятным этническим разнообразием и политической остротой.

Не слишком ли амбициозна цель? Задача такого журнала — спрессовать разные дисциплины и множество разных текстов, сохранив при этом некоторую структурную элегантность. Выпуск 2012 года представляет собой 500-страничный альманах с множеством интересных вещей и открытий, но в целом тяжеловатый для цельного восприятия. Возможно, стоило бы разбить номер пополам (сделав два выпуска в год) и придать каждой из половин больше «сцепления».

В нынешнем виде и список рубрик кажется несколько хаотичным. Вот эти рубрики: мусульманская философия и мистицизм; исторические и этнографические исследования ислама на Европейском Востоке и Евразийском пространстве; ислам на Ближнем Востоке и в Северной Африке в Новое время; ислам и восточное христианство; арабская филология; ислам и политика на современном Ближнем Востоке. Некоторая нелогичность общей структуры объясняется тем, что, по-видимому, весь выпуск — это материалы конференции все с тем же названием «Мир ислама» (Москва, октябрь 2010 г.), хотя напрашивающееся в начале вводное объяснение от редакции, к со-

жалению, отсутствует. Заметим, кстати, что нет в журнале и *summaries* — этот элемент хорошего издательского тона отнюдь не помешал бы.

Что ж, каждый выбирает на свой вкус. Позволим себе и мы сделать такой выбор из длинного списка статей.

Восемнадцать сравнительно коротких докладов, посвященных исламу в российской и постсоветской Евразии, составляют около трети выпуска. Большинство докладов, касающихся истории XVIII–XX вв. и современной этнографии ислама, солидно документированы авторами, опиравшимися на архивы или полевые материалы. Первым следует текст Д. Арапова об отношении Петра Великого к мусульманам; далее — несколько интересных и тщательно сработанных текстов: Г. Сайфуллиной о традиции книжного пения у татар; С. Шадмановой о «женском вопросе» среди мусульман в периодике конца XIX — начала XX в.; Т. Котюковой о «мусульманском вопросе» в документах туркестанской «охранки» и др. Далее, в современной (антропологической и социологической) части, я бы выделил интересную статью Е. Лариной о новых «паломнических антрепренерах» (мой термин) исламского оживления в Казахстане; статью Д. Макарова, сравнивающего противоречащие друг другу архивы и этнографию — доклады советских чиновников и недавние интервью автора в нескольких областях Центральной России; А. и И. Селезневых о параметрах и методах этнографии ислама на примере тоболо-иртышских татар. Сюда же примыкают две хорошие статьи (Л. Микова и Г. Лозановой) о болгарских мусульманах (бекташах и помаках).

Кроме «евразийских» сюжетов, безусловно, следует выделить предложенную Павлом Башариным глубокую экзегезу известной коранической идиомы *qaba qawsayn* («на расстоянии между двух луков»), означающей мистическую близость к Богу; Башарин доказывает свое мастерство и знание мистической арабской и персидской традиций. В рубрике «Ислам в новое время» можно рекомендовать очень интересную статью В. Орлова о том, как ваххабитское учение, претендующее на строгий традиционализм, было воспринято и в конце концов отвергнуто в Марокко в начале XIX в. как преступно новаторское: прекрасное уточнение для нынешнего представления о вахабитах и интересный пример культурной вариативности ислама. Хороша и статья П. Шлыкова о кризисе и обновлении института *вакфов* в Османской

империи до начала XX в., содержащая краткий, но объемный анализ этого интересного явления в его динамике.

В рубрике «Ислам и восточное христианство» опубликованы статьи (две на английском, две на французском и одна на арабском, т. е. без перевода на русский) пяти арабских историков из Египта и Туниса, посвященные различным аспектам взаимоотношений и взаимовидения раннего/средневекового ислама и христианства во времена Византии и после нее. Статьи интересны, хотя и не все внятно структурированы. Кроме того, попутно надо сказать, что языковая редакция была бы нелишней: это особенно касается англоязычных текстов (кстати, и упомянутой выше статье Башарина, опубликованной по-английски, не помешала бы некоторая языковая правка).

В современной ближневосточной рубрике великолепна статья Г. Косача об аль-Кассаме, знаменитом палестинском мученике-*шахиде*, погибшем в 1935 г. и ставшем осью политической памяти и предметом дискурсивных конфликтов в современной Палестине, — статья, предлагающая «насыщенное описание» нынешнего восприятия истории, но не лишенная оценок, которые чреваты дискуссией. Статья И. Кудряшовой о смене политических моделей в Иране в течение XX века не лишена вразумительной хронологики, но выглядит несколько обзорно, не добавляя принципиально нового материала. Остальные тексты рубрики кажутся не очень документированными очерками.

Филологическая рубрика кажется в целом менее убедительной, чем остальные: в одном тексте просто излагается, без серьезного анализа, содержание романа египетского писателя Нагиба Махфуза; в другом дается сухая информация об опыте преподавания арабского языка; в третьем — набор довольно бессвязных рассуждений о важности филологии вообще и отдельных толкований отдельных исламских текстов, в частности. Отсутствие жанровой дифференциации в журнале — когда исследовательские статьи соседствуют с текстами типа справки — несколько сбивает с толку.

Что можно сказать, перелистав журнал с попыткой подробного, хотя и не исчерпывающего чтения? Тексты неровные по уровню. Такой разброс присутствует в любом издании, это неизбежно. Пожалуй, в данном случае этот недостаток мог бы быть отчасти преодолен усилиями составителей, если бы они придали

структуре больше цельности, добавили бы строгости в рубрикации и оформлении, наконец, в отборе самих текстов. Но, ожидая дальнейшей позитивной динамики, мы уже сейчас можем, без сомнения, считать *Pax Islamica* значительным явлением в поле востоковедения и академического исследования религии.

А. Агаджанян

Ситников А. Православие, институты власти и гражданского общества в России. СПб.: Алетейя, 2012. — 248 с.

Работа Алексея Ситникова, написанная на основе его докторской диссертации, посвящена «анализу влияния православия на формирование в российском обществе институтов власти, стратификационной структуры и становление гражданского общества» (с. 9). Это одно из первых в отечественной науке комплексных и системных исследований данного вопроса. Автор привлекает обширную литературу и разнообразную источниковедческую базу; анализирует труды отечественных и зарубежных ученых; показывает противоречия и тенденции развития в области церковно-общественных и церковно-государственных отношений.

Актуальность подобного исследования не вызывает сомнений: если согласиться с автором и признать, что российское общество в последние годы претерпевает процесс социально-политических трансформаций, направленных на постепенное выстраивание демократических институтов и развитие гражданского общества, то само собой возникает вопрос: какое влияние на этот процесс оказывает православие как культурная традиция и Русская православная церковь как самое крупное и влиятельное религиозное объединение? Есть ли в самом православии ресурсы для облегчения этих трансформаций или же оно, наоборот, в силу своих исторических, вероучительных и иных особенностей обречено быть тормозом и помехой развитию в данном направлении? В некотором смысле этот вопрос можно воспринимать как часть более общей проблемы совместимости религии и политической современности, по край-